

мостовой, встряхивали головами и, будто повеселев, продолжали свой путь.

Бригада благополучно, с оружием в руках и не понеся потерь, переправилась на Левобережье...

7.3. От Каховки к Таганрогу. Акимовка

В Каховке население встречало Бригаду радушно. Советский фронт против немцев Антонов-Овсеенко лихорадочно пытался сколотить куда севернее. Там же соответственно были более-менее устоявшиеся и ответственные властные органы. Каховка, как и десятки других городков и местечек, оказалась отданной на откуп командирам разношерстных, далёких от дисциплины отрядов зачастую анархистских.

По словам местных жителей, помимо привычных реквизиций на город была наложена контрибуция в размере 500 тысяч рублей. Не удивительно, что «дроздовцев» воспринимали как освободителей. Да и приход немцев для многих представлялся не худшим из возможного. В Каховке к Бригаде присоединились до 40 добровольцев. В основном – учащаяся молодёжь. Но были и офицеры, и юнкера, и даже чиновники.

В начале Дроздовский собирался остановиться на отдых непосредственно в городе, но там уже располагались переправившиеся вслед за добровольцами немцы. Полковник приказал, не останавливаясь, проследовать в Любимовку, расположенную в нескольких километрах к северо-востоку.

Разъезд в пять сабель, неосторожно отдалившийся от проходящей вдоль Днепра колонны, неожиданно был атакован конным отрядом противника⁵⁷³. Двоим добровольцам удалось вырваться, остальных взяли в плен. Дроздовский немедленно выслал на выручку эскадрон. В конной атаке до 15-ти партизан были зарублены, остальные поспешили рассеяться. Захваченных «дроздовцев» удалось спасти. Как выяснилось, не расстре-

⁵⁷³ Отряд именвал себя «1-м Партизанским Приднепровским» и базировался как раз на Каховку. Позже два красногвардейца, бывшие в отлучке и не знавшие о занятии местечка, пришли откуда-то с хуторов, бродили по улицам, спрашивая у прохожих, где теперь штаб. В итоге были задержаны патрулем и тут же расстреляны.

ляли их лишь вследствие заступничества одного из красногвардейцев, требовавшего «сначала разобраться».

В Каховке шедшая впереди конница обнаружила склад со снарядами для лёгких орудий. Вывезти их было не на чем, так как все почти подводы реквизировали большевики. Командир поставил перед зданием склада караул и проследовал дальше. Когда же в Каховку вернулся Дроздовский, ему доложили, что один из немецких офицеров заявил: «Отсюда ничего вывезено не будет». Дроздовский отправился искать майора Наумана. Едва найдя где-то на окраине, сказал:

– Когда вошли в Каховку, конница захватила снаряды, поставила караул, послала за подводами, нагрузила на них, но явился немецкий караул и запретил их вывезти. Я не претендую на все, но снаряды захватили мы...

– Пожалуйста, берите все, – сразу согласился с его доводами немец.

– Все не нужны, а только те, что на подводах, – в итоге сошлись на 500 снарядах. Дроздовский попросил майора написать разрешительную записку, что тот сразу же и исполнил.

Тем временем чины автоколонны раздобыли в местечке пять пудов бензина, смазочные масла как для машин, так и для винтовок и керосин. Они вместе с интендантом рыскали по Каховке весь последующий день, ничего не упуская из виду. Не смогли раздобыть лишь шинели, которых в Бригаде не доставало. Зато обнаружили немалое количество сукна защитного цвета, запас которого и загрузили в обоз.

Выяснилось также, что у агентов Продовольственной управы Советского правительства находится на руках свыше 1.2 миллиона рублей деньгами и на чековых книжках. Дроздовский распорядился создать комиссию, задачей которой являлось оприходование означенных сумм и планирование дальнейшего их применения⁵⁷⁴.

⁵⁷⁴ «Деньги решили взять себе, – писал Дроздовский. – Вернём, если будет нужно. Нам это жизнь: заплатим жалование за апрель, да и на еду ещё хватит месяца на три...

...собралась комиссия о деньгах: написала протокол, выдала на ликвидацию Управе 220 тысяч рублей наличными и 400 тысяч рублей по текущему счёту. Себе мы взяли 600 тысяч рублей. Обменялись расписками и разошлись».

29 марта (11 апреля) Бригада отдыхала в Любимовке. 30 марта (12 апреля) около полудня состоялся парад. В прохождении торжественным маршем приняли участие 2-я стрелковая рота, оба эскадрона и взвод конно-горной батареи. Перед строем развеялся на ветру Андреевский стяг⁵⁷⁵. После Дроздовский раздал «за дела против большевиков» два георгиевских креста и шесть медалей. Настроение его было приподнятым. Если до переправы само существование Бригады зависело от множества случайностей и непредвиденных обстоятельств, то теперь судьба добровольцев находилась в их собственных руках.

К немцам, между тем, подошло подкрепление – до одного батальона пехоты с пулемётами и артиллерией. Появились признаки того, что от былой благожелательности вскоре не останется и следа.

На рассвете 31 марта (13 апреля) Бригада вышла из Любимовки, следуя строго на восток⁵⁷⁶. На ночлег останавливались соответственно в Торгаевке и в Калге. Высылали в окрестные деревни небольшие, в два-три десятка штыков, экспедиции. Вооружали сданными винтовками местечковую самооборону. На перекрёстках портили провода.

Вернулся в Бригаду с Дона Кудряшёв. Добытые им сведения оказались неутешительными. Согласно им Корнилов потерпел поражение и продолжал сражаться где-то между Кавказской и Петровском. Казаки на Дону и Кубани воевать против большевиков не хотели и расходились по домам. Захваченные офицеры расстреливались красногвардейцами на месте⁵⁷⁷. Бывший с Кудряшёвым Бологовский поехал от Ростова дальше на восток, в надежде если не найти Добровольческую армию, то по крайней мере узнать о ней что-то более определённое.

Таким образом, уже и здесь, под Мелитополем, Дроздовский убедился, что Новочеркасск, да и Дон в целом, прочно, как ка-

⁵⁷⁵ Дроздовский утверждает, что это был флаг 2-го полка Балтийской дивизии.

⁵⁷⁶ В это утро под Екатеринодаром разорвавшимся артиллерийским снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов.

⁵⁷⁷ Судя по всему, о первых выступлениях казаков на Дону, о событиях в станицах Суворовской и Нижне-Чирской, Кудряшёву достоверно известно не было.

залось, занятые большевиками, не могут более являться конечной целью похода. Сами задачи и смысл его в этих условиях вновь ставились под сомнение. «Принципиальное решение, – написал в тот день Дроздовский в дневнике, – сохранить отряд до лучших времён. Что же делать непосредственно – обдумаем; пока же в районе Мелитополя немного задержаться».

Не желая ввязываться в возможный бой за город после длительного перехода, Дроздовский принял решение выйти к железной дороге южнее, занять вначале Акимовку, а потом уже коротким рывком достичь Мелитополя.

Из Калги Бригада выступила утром 2(15) апреля и после привала в Екатериновке свернула с тракта на юг. Основные силы остановились в колонии Ейгенфельд, где были встречены весьма радушно. Передовая конная группа Войналовича с броневиком продолжила движение к Акимовке. Через час с легковым автомобилем от него пришло донесение о появлении на станции советских эшелонов. Дроздовский немедленно выслал в помощь стрелковую роту с артиллерией, приказав спешно выдвигаться и остальным. Сам же поехал в Акимовку на автомобиле. Когда полковник прибыл на станцию, там всё уже было кончено.

Войналович доложил о ходе и результатах боя. Когда конница подошла к местечку, большевиков в нём и на станции не оказалось. Тут же пришёл запрос из Мелитополя на пропуск двух эшелонов через Акимовку. Офицер, знакомый с порядком прохождения поездов, занял место телефониста, назвал себя «товарищем Петром» и сообщил, что в данный момент полотно ремонтируется и станция эшелоны принять не может. Просил подождать.

Тем временем конники спешили и залегли. Броневик укрылся за станционными постройками. Группа подрывников выдвинулась к северу от станции. Им была поставлена задача взорвать пути, едва эшелоны пройдут к станции. Когда всё было готово, «товарищ Пётр» сообщил в Мелитополь, что ремонтные работы завершены и дал путевую.

Вскоре показали и составы. Подрывники, заранее заложив заряд, подожгли бикфордов шнур, но длину его не расчисли-

тали. Первый эшелон прошёл к станции. Перед вторым взрывом разворотило рельсы, и машинист поспешил отвести состав назад, в Мелитополь. Красногвардейский эшелон приняли в тупик и расстреляли из винтовок и пулемётов. Бронеавтомобиль №3 выкатился к вагонам и открыл огонь в упор. Спаслись лишь несколько человек, которые, выскочив из эшелона, побежали в противоположном от Мелитополя направлении. Остальные, до 130 красногвардейцев, были убиты на месте либо взяты в плен⁵⁷⁸. Захвачено было 12 пулемётов, свыше 100 винтовок, патроны, обмундирование и продовольствие. Потери «дроздовцев» были минимальны. Одному оцарапало пулей руку, у второго разбило на груди бинокль. Было ранено также пять строевых лошадей.

Вскоре с юга подошёл и остановился у ближайшего разъезда ещё один эшелон. Хотели «принять» и его. Но, видимо, предупредённый бежавшими, с разъезда к станции эшелон так и не вышел.

К 17 часам в Акимовке сосредоточилась вся Бригада⁵⁷⁹.

С потерей Акимовки прерывалась связь между Симферополем и Александровском⁵⁸⁰, и разгром большевистского эшелона на станции повлёк за собой масштабные последствия. «Дроздовцы», сами того не ведая и, безусловно, не желая, одним ударом поколебали устойчивость всего южного крыла советского фронта. «1-я армия (Карпова), – пишет Антонов-Овсеенко, – 15 апреля⁵⁸¹ повела вновь наступление от Александровска на Синельниково. Операция развивалась успешно, когда немцы начали нажимать в тыл нашей армии. Вечером 15 апреля они попытались перейти Днепр у Хортицы, но были отбиты. Следующая попытка им удалась. Довольно большими силами, сбив наши тощие резервы, немцы заняли Александровск. Отряды 1-й армии вынуждены были повернуть фронт. Немцы в Алек-

⁵⁷⁸ После опроса всех пленных расстреляли. Среди них было несколько матросов и два офицера, отказавшихся назвать своё имя и звание.

⁵⁷⁹ «Выбор направления на Акимовку, – записал в тот вечер в дневнике Дроздовский, – оказался очень удачным».

⁵⁸⁰ Ныне Запорожье.

⁵⁸¹ По новому стилю.

сандровские были уничтожены. Но наступление к Синельниково было сорвано. И когда противник перешёл в контратаку, части 1-й армии в панике бросили эшелоны и покинули фронт. *Панику увеличило сообщение, что в тылу Мелитополь пытаются захватить белогвардейцы* и что немцы из Каховки на автомобилях перерезали жел. дорогу у Геническа. В Мелитополе скопилось до 60 наших эшелонов, но боеспособны были лишь бронепоезд Полупанова, отряд Меркулова и батальон китайцев. Они выдержали тяжёлый бой с противником, прикрывая отход большинства эшелонов к востоку. Остальные (во главе со штабом Южного фронта) прорвались в Крым...»

В Крым наименее устойчивые отряды 1-й армии «прорвались» ещё до подхода «дроздовцев». Что касается остальных эшелонов, то большая часть из них, спешно оставив Мелитополь, устремилась на Волноваху и далее на Мариуполь «занимать новые рубежи обороны». Но некоторые части, сохранившие решимость и готовые сражаться, остались.

На рассвете 3(16) апреля от Мелитополя к Акимовке подошли два эшелона. Красногвардейцы выскакивали из вагонов, разворачиваясь в цепь. С платформ неприцельно били по местечку лёгкие орудия.

Бригада была поднята по тревоге в считанные минуты. Стрелковые роты занимали заранее отведённые для них рубежи. Артиллерия стала на позиции и открыла ответный огонь. Обоз отошёл под прикрытием в безопасное место, на северо-западную окраину Акимовки. Конница с броневиком и конно-горной батареей выдвигалась на левый фланг.

После первых же разрывов шрапнели красногвардейцы, чуть отойдя от вагонов, заколебались, остановились и залегли. Их редкая длинная цепь охватывала местечко полумесяцем по линии колоний Дармштадт и Гутерталь, распространяясь до русла реки Ташенак.

В 11 часов Бригада перешла в контр наступление. Стрелковые роты продвигались вдоль линии железной дороги. Эскадроны в конном строю – в общем направлении на Дармштадт. Вскоре конница вырвалась вперёд. Конно-горная батарея, то и дело меняя позицию, вела непрерывный огонь, расчищая ей

дорогу. Наконец, эскадроны ворвались в ряды противника, разорвали его цепь надвое и, завернув вправо, устремились в тыл большевикам. Бронеавтомобиль №3, зайдя во фланг, стрелял из всех четырёх своих пулемётов.

Цепь рассыпалась. Большинство красногвардейцев устремились к эшелонам. Изолированные друг от друга группы сопротивляющихся тут же вырубались. В плен не брали, и раненых не оставалось⁵⁸². Батарея тем временем перенесла огонь и била шрапнелью по вагонам. Одна из гранат разорвалась прямо на платформе. Большая часть солдат успела погрузиться в эшелоны, которые, не задерживаясь, ушли на Мелитополь. Остальные рассеялись в разных направлениях.

После этого конница двинулась прямо к Мелитопольскому вокзалу. Броневик присоединился к свернувшейся в походный порядок пехоте. Весь проход напоминал церемониальный марш. «Дроздовцев» встречали как освободителей, причём не только мещане и обыватели. Уже в деревне Песчаное, пригороде Мелитополя, толпы крестьян приветствовали добровольцев. То же повторилось и в самом городе, оставленном красногвардейцами без нового боя. От вокзала вышла навстречу делегация железнодорожников с белым флагом и приветственной речью⁵⁸³. Все выходящие на привокзальную площадь улицы были запружены народом⁵⁸⁴.

Пехотная колонна вошла в Мелитополь в 16 часов. Тыловая служба и здесь нашла для себя широкое поле деятельности. Советские отряды, спешившие выбраться из города, не успели эвакуировать многочисленные склады с интендантским имуществом. В первую очередь оприходовали большое количество брошенных обозных повозок, так как свои были за время похода основательно потрёпаны. Как и всегда, озаботились о фураже. Искали бензин, но его оказалось немного.

В городе существовал военно-промышленный комитет,

⁵⁸² Красногвардейцы потеряли до 80 человек. В эскадронах один офицер был ранен и убито 5 лошадей.

⁵⁸³ По свидетельству Дроздовского железнодорожная милиция успела вооружиться и не позволила подрывникам-анархистам взорвать пути.

⁵⁸⁴ Мелитополь дал Бригаде до 70 влившихся в неё добровольцев.

снабжавший в своё время ещё Старую армию. Им были выданы бельё, сапоги и ботинки, которые в меняющейся неразберихе первых этих месяцев не успели конфисковать ни гайдамаки, ни большевики, ни даже анархисты. Нашлось применение и для вывезенного из Каховки сукна. Местные портные, чьи услуги были щедро оплачены, ускоренно шили обмундирование на весь отряд и других заказов не принимали.

4(17) апреля Бригада оставалась в Мелитополе. Несмотря на распространившуюся уверенность в том, что после разгрома большевики не станут больше атаковать, определённые меры предосторожности всё же предприняли. С утра в Акимовку были направлены путейцы, которые восстановили взорванное полотно и помогли вывести из тупика захваченный эшелон. В распоряжении «дроздовцев» оказалась блиндирующая платформа. На неё была поставлена команда – пулемётный взвод. Железнодорожники выделили паровоз, и импровизированная бронелетучка прикрывала всё непродолжительное время своего существования как эвакуацию Акимовки, так и подступы к Мелитополю с юга⁵⁸⁵.

Северное направление беспокойств не вызывало. Красногвардейцы от Антоновки сразу же отошли на Токмак. Большая их часть, не задерживаясь, проследовала к Волновахе. Тем не менее, на разъезде Терпение стоял под парами локомотив с командой вооруженных железнодорожников, а бронелетучка стала на разъезде Тащенак, готовая при необходимости выдвигаться в любом направлении.

В 14 часов Дроздовский имел разговор с городским головой

⁵⁸⁵ Между Мелитополем и Акимовкой была подготовлена засада, нацеленная на захват головного большевистского эшелона. В сады у Песчаной балки выдвигались до роты пехоты, конный и конно-артиллерийский взводы. Стрелки с артиллеристами должны были завязать бой, конница – обойти эшелон и взорвать за ним пути. Однако эти начинания ни к чему не привели.

Во второй половине дня бронелетучка «дроздовцев» продвинулась до станции Сокологорная, где была обстреляна советской артиллерией. Отходя к северу, вступила в перестрелку с преследовавшим её блиндирующим поездом. В двух-трёх километрах южнее Акимовки команда разобрала пути, рельсы увезла с собой, что сделало невозможным продвижение к Мелитополю крупных сил большевиков. В оставленную добровольцами Акимовку вошли ненадолго лишь незначительные разъезды.

об организации городской милиции, для которой Бригада выделяла необходимое вооружение. Милиция была сформирована, но при первом же известии о наступлении большевиков⁵⁸⁶ стражи порядка, побросав винтовки, попрятались по домам.

К вечеру пришёл запрос от немцев о возможности приёма поезда с их делегацией. Дроздовский, желая дать Бригаде больше времени для отдыха на городских квартирах, приказал сообщить о готовности приёма к 10 часам 5(18) апреля. Ночь прошла спокойно. С утра Дроздовский выезжал к месту предполагаемой засады и дал указания передвинуть орудия для стрельбы прямой наводкой. «Между 13-14 прибыл блиндируванный немецкий поезд, – писал он в дневнике, – а за ним их первый эшелон. Остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович и Жебрак. Я уехал в город, уклонившись таким путём от этой невесёлой встречи. Немцы на этот раз, очевидно, вполне доверяли нашей лояльности, ибо, как шуба, влезли на станцию⁵⁸⁷. Но нам нет пока другой политики. На офицерах эта встреча отразилась тяжело, многие нервничали. Во избежание столкновений приказал снять охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране. Охранение к Акимовке взяли на себя, естественно, немцы, своим продвижением немедленно туда...»

Засада была снята. Дроздовский решил оставить город и перейти в Константиновку, селению, расположенному на другом берегу реки Тащенак.

6(19) апреля с утра в заданном направлении стал выдвигаться обоз. Выступление строевых частей Дроздовским было намечено на 14 часов. Сам же он поехал к немецкому генера-

⁵⁸⁶ Тревога оказалась ложной. Вестовой, посланный для вызова к штабу офицеров, назначенных в засаду у Песчаной балки, по своей инициативе, желая ускорить сбор, принялся кричать, что красногвардейские цепи подходят к городу.

⁵⁸⁷ Направление, находившееся далеко в стороне от основных путей германского наступления, вдруг разом приобрело едва ли не первостепенное значение. Занятие Мелитополя, помимо прочего, означало выход на тылы южных советских армий, которые в этих условиях при малейшем нажиме неизбежно отступили бы в Донбасс и к границам Донской области. О действительных планах Дроздовского немцы могли лишь догадываться. Не полагаясь на Бригаду русских добровольцев, спешили всё необходимое сделать сами.

лу, начальнику 15-й дивизии Ландвера. Немец задавал ставшие привычными вопросы, Дроздовский отвечал, что идут в Россию бороться с большевиками. И рассказал также о создании городской и железнодорожной милиции. Каких-либо трений не возникло.

После Дроздовский разговорился с переводчиком, вероятно, симпатизирующим добровольцам. Тот, предупредив, что высказывает своё личное мнение, посоветовал, тем не менее, поскорее уходить. Сказал вполне определённо, что, если соответствующий приказ будет получен, несмотря на все симпатии, Бригаду будут разоружать. Сообщил, между прочим, что немцы оценивают количество добровольцев в пять тысяч штыков и сабель. Что в Великороссию они не пойдут, даже если *кто-либо* их пригласит. «Весь тон и отношение к нам, – писал Дроздовский, – полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей, *или что выполнение их невозможно.*

...Странные отношения у нас с немцами, точно признанные союзники. Содействие и строгая корректность, а в столкновении с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один, между тем, высказался: враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а они нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами, напротив – отношения отвратительные: приставание снять погоны, боятся только драться – разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдаёт строгие приказы не задевать – не слушают. Некоторые были побиты, тогда успокоились... Когда мы ушли из Мелитополя, вокзальный флаг, даже не строго национальный, сорвали, изорвали, истоптали ногами...

...Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т.е. нас, обезоружить, и получил в от-

вет: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, *считает непорядочным...*»

В этих последних строчках при желании можно отыскать ответ на часто задаваемый современниками и исследователями вопрос: почему немцы так и не разоружили одинокую русскую бригаду?

Большую часть пути «дроздовцы» проделали на удалении от больших боёв и значительных сил оккупантов. Австрийцы не обнаружили ни малейшего желания ввязываться в бой с теми, кто, очевидно, не был им враждебен.

Что касается немцев, то они на Украине наступали авангардами, прощупывая непрерывно силу сопротивления советских частей. Если те сразу отступали, продвигались вслед. Когда же большевики проявляли твёрдость, что тоже имело, конечно, место, немцы не торопились, подтягивали силы и добивались своего, ведя уже правильный бой. Фланги германского наступления в этих условиях почти всегда оставались открытыми. И на обнажённом фланге главного удара действовала бойкая и целеустремлённая русская бригада. И выполняла, сама того не желая, для обеспечения германского наступления ровно то же, что делала бы на её месте любая немецкая часть.

Сил, особенно на второстепенных участках фронта, не хватало катастрофически. На счету был каждый батальон, каждая рота. Неудивительно, что командирам среднего звена и в голову не приходило разоружать сражавшуюся, в том числе и за них, устойчивую, инициативную боевую единицу. К тому же, не стоит забывать, что сделать это было бы не так просто. Подтянув силы и, соответственно, оголив участки фронта, немцы, вероятно, разоружили Бригаду. Но случись бой, это обошлось бы им недёшево.

Локтевая связь в бою, пусть даже и с недавним противником, неизбежно способствует возникновению симпатии и уважения. Не могло также не импонировать, что в разлившемся половодье кучка солдат и офицеров, несмотря ни на что, упрямо и отрешённо шла и шла вперёд к своей пусть даже и несбыточной цели. Хочется верить, что немецкие офицеры вовсе не стреми-

лись поддержать установившуюся репутацию своей нации как неспособной на эмоциональный порыв, холодной и расчётливой⁵⁸⁸. И порядочность, пусть избирательная, для многих из них не была пустым словом.

Всё, конечно, определяло высшее военное руководство. Но категорических инструкций разоружать так из Берлина и не поступило. В сложной политической игре, когда на кону стояло доминирование в послевоенной Европе, а обстановка менялась каждую неделю, проигравшей войну России немцы отводили место стороннего наблюдателя. Им нужны были большевики как единственное правительство, гарантирующее мир. Но в то же самое время необходимо было максимально их ослабить, чтобы в 5-6 решающих месяцев немногочисленным немецким дивизиям на востоке ничто не угрожало. И, по всей видимости, существование и продвижение к Дону «дроздовцев» представлялось в Берлине фактором, который больше способствовал этому, чем мог впоследствии навредить...

Так или иначе, но по 8(21) апреля включительно Бригада находилась в Константиновке. В ресторане Мелитополя Дроздовский обедал с украинским комендантом. Тот поначалу, ссылаясь «на полномочия», требовал едва ли не подчинения Бригады. Все регулярные силы украинцев на первом этапе оккупации были вполне сопоставимы с силами «дроздовцев», говорить о старшинстве вряд ли приходилось. Дроздовский ответил коротко: «Не подчинюсь», и комендант сразу сбавил тон.

Договорились о том, что, продвигаясь, добровольцы будут содействовать наведению порядка в попадавшихся на пути сёлах и местечках. Расстались весьма недовольные друг другом.

⁵⁸⁸ «Дроздовский объявил, что отряд сохраняет в отношении австро-германцев нейтралитет и ведёт борьбу только против большевиков, – пишет Деникин. – Не было ли ещё инструкций из главной немецкой квартиры, не разобрались немцы в истинных побуждениях добровольцев или просто сравнительно слабым передовым частям их невыгодно было вступать в столкновение с хорошо вооружённым, организованным и морально стойким отрядом, но формула Дроздовского была молчаливо принята.

Быть может, и совесть рядового немецкого офицерства заговорила при виде людей, оставшихся верными своему долгу, и одинокой, трагически ничтожной кучкой бросившихся в водоворот народной стихии.

Хотя люди эти и были им врагами».

9(22) апреля Бригада уходила на восток. Дроздовский со штабом задержался в Мелитополе, и тут ему доложили о телеграмме из Бердянска. Там инвалиды⁵⁸⁹ организовались, изгнали отряд Красной гвардии и запрашивали помощь против матросов, обстреливавших город с моря⁵⁹⁰. Бригада пошла прямо к Бердянску. На марше между колониями Владимировка и Богдановка колонну встретила делегация инвалидов. Просили направить в город артиллерию. Дроздовский, изначально подзревавший провокацию, имел случай убедиться, что это не так. Военный руководитель восставших, полковник Черков⁵⁹¹, был ему лично известен. Тем не менее, одну лишь артиллерию полковник выдвигать отказался, заверив, что Бригада в скором времени подойдёт целиком.

10(23) апреля «дроздовцы» заняли Ногайск, «арестовали советы и восстановили думу». Части стали на ночлег в селении Обиточное, сам же Дроздовский с Неведомским и командиром батареи выехали вперёд для переговоров с инвалидами и выбора артиллерийских позиций. Позиции определили у маяка и в районе кладбища. Орудия позже на них стали, но огонь открывать не пришлось. Траллеры большевиков ушли на Таганрог.

Вечером в город прибыл броневедом №3. Его встречали овациями. Дроздовский, отобедав у бельгийского консула, в 21 час выехал навстречу подходившей колонне. Бригаду он поворачивал на колонию Ивановка. В Бердянск направлялась одна лишь пехотная рота с приданными броневиком и отрядом мотоциклистов. Устраивались комендатура и вербовочное бюро. Комендантом был назначен Жебрак.

С утра тыловые службы занялись привычным делом, добычей фуража и вооружения⁵⁹². Получили информацию, что в городе находятся свыше 12 миллионов «бесхозных» рублей. Инвалиды и исполнительный комитет готовы были оказать воз-

⁵⁸⁹ Солдаты и унтер-офицеры, получившие ранения и по излечению отправленные с фронта домой.

⁵⁹⁰ Это был отряд Мокроусова в 500 штыков.

⁵⁹¹ Позже на автомобиле подъезжал и сам Черков.

⁵⁹² При этом неизменно создавалась комиссия по сбору имущества, от чьего имени и действовали интенданты.

можное содействие, но выяснилось, что обратились они также и к австрийцам, передовые подразделения которых вошли в город ближе к полудню 11(24) апреля⁵⁹³. Тут же городские власти «вспомнили», что очистили Бердянск своими силами.

Тем не менее снаряды, патроны, амуницию и продовольствие⁵⁹⁴ раздобыть удалось. Деньги же город оставил себе. Не смогли также договориться о передаче автомобилей. Дроздовский вывел из города роту и снял с боевых позиций артиллерию, передав охрану и оборону Бердянска австрийскому гауптману.

С утра 12(25) апреля в зале городского театра состоялось общее собрание всех офицеров и солдат Бердянска. На нём присутствовал Дроздовский⁵⁹⁵, а выступал перед аудиторией командир 2-го эскадрона Двойченко. Он рассказал о задачах и боевом пути Бригады. Предлагал вступать в её ряды. Записалось вместе с учащейся молодёжью и вольноопределяющимися 70-75 человек. Устанавливалась, какая бы она ни была, власть. И люди, в большинстве своём, безусловно, симпатизирующие добровольцам, не спешили вновь взять в руки винтовки и идти в степь, в тревожную, сомнительную неизвестность. Воевать непонятно даже за кого и от чьего имени. Рисковать своей жизнью, даже и не представляя, есть ли ещё кто-нибудь в огромной России, готовый поддержать крохотный отряд русских добровольцев в их безнадёжной борьбе. Предпочитали всему этому сытую спокойную размеренную устроенность...

13(26) апреля в 11 часов Бригада выступила из Ивановки. Переночевали в Новоспасском⁵⁹⁶ и на следующий день остановились в деревне Мангуш. На марше колонну догнал Боголовский. Доклад его оказался более оптимистичным. Информация о гибели Корнилова подтвердилась, но выяснилось, что Дени-

⁵⁹³ «Просил... ответить, – пишет Дроздовский, – что пришёл наш отряд и помощи австрийской не нужно. Так им и телеграфировали. Проснулся – сообщают: уже австрийцы в городе, грустно...»

⁵⁹⁴ Вместо обещанных 600 пудов сахара город выделил 100.

⁵⁹⁵ «Собрание, как собрание, – записал он в дневнике, – тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени».

⁵⁹⁶ Ныне Осипенко.

кин и Алексеев продолжают сражаться, хотя о местоположении их ничего не известно. Множились противоречивые пока ещё слухи о выступлениях на Кубани и брожении на Дону. «В общем, неопределённость и неясность кругом, – записал Дроздовский в дневнике. – Есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своём ответе...»

Прибыл из Одессы и офицер, связанный с Жебраком. По его словам, целая группа с пулемётами шла на соединение с Бригадой. Однако из Киева получены были известия о бое под Воссиятским, где «дроздовцы» потерпели, якобы, поражение и были рассеяны. Офицерский отряд закопал пулемёты и вернулся в Одессу. Один лишь посыльный прибыл к Дроздовскому и доложил о происшедшем.

Волна германского нашествия в какой-то момент перелестнула путь движения Бригады. Мариуполь был уже занят австрийцами. Получив от «дроздовцев» требование⁵⁹⁷ на фураж и подводы, поселковые власти посчитали, что всё перечисленное будет у них отобрано силой, и по телефону пожаловались в Мариуполь. В ночь на 15(28) апреля из города прибыла депутация фронтовиков с бумагами как от их «военной коллегии», так и от австрийского коменданта. На словах пояснили, что на территории Украины какие-либо реквизиции, осуществляемые иначе, как за наличный расчёт, запрещены. Дроздовский указал, что за весь поход первый раз получил «такую штуку⁵⁹⁸» и выразил депутации своё недоумение. Фронтовики, видя, что за всё сполна заплачено, тут же стали отговариваться, утверждая, что не знали, какой отряд проходит через деревню. Австрийцы так и не прибыли, и на этом инцидент оказался исчерпанным.

В тот же день Бригада, не задерживаясь, прошла через Мариуполь, переправилась через речку Кальмиус и стала в деревнях Косоротовка и Троицкое, уже на земле Войска Донского. Ночью по телефону казаки станицы Новониколаевской запросили

⁵⁹⁷ Перечень наименований для последующей закупки.

⁵⁹⁸ «Чего им взбрело на ум писать? – отметил он в дневнике. – Кто им сказал, что я что-либо беру даром?»

помощи против местных красногвардейцев⁵⁹⁹. Дроздовский, не зная обстановки, выдвигаться дальше на восток не спешил. Приказал лишь послать казакам винтовки с патронами. К Таганрогу были высланы многочисленные разведчики, в том числе и две добровольно вызвавшиеся женщины.

Днём Дроздовский ездил в Мариуполь в «Коллегию фронтовиков». Там продолжали предъявлять претензии. Настаивали на возвращении части лошадей, реквизированных за время похода. Успели пожаловаться на добровольцев и австрийцам. Дроздовский приказал демонстративно передать незначительное количество лошадей исключительно австрийским военным властям. Фронтовики же не получили ни одной. Отдали, конечно же, самых худших, которых и так требовалось заметить как можно скорее.

После полудня 16(29) апреля Дроздовский присутствовал на заседании «Союза офицеров» в Мариуполе, выступал там с речью, которую присутствовавшие, за редким исключением, приняли восторженно. Полковник вынес настолько благоприятное впечатление, что рассчитывал на пополнение в 1000 человек. Ожидания его, конечно же, не оправдались и на десятую часть.

17(30) апреля в 8 часов Бригада продолжила движение и в тот же день вошла в Новониколаевскую станицу. Казаки встретили добровольцев восторженно. Конная и пешая сотни стояли у дороги в развёрнутом строю. Почти все – уже при погонах. Уже было восстановлено станичное самоуправление, выбран атаман. Комитетчики выявлялись и арестовывались.

В станице Дроздовский получил более-менее достоверные сведения о военно-политической обстановке, сложившейся к этому времени на Дону и Кубани. Определённо утверждали, что войсковой старшина Фетисов с казаками стоит под Новочеркасском, но артиллерии у него почти нет. Атаман Попов – в Великокняжеской. Деникин, якобы, выдержал бой под Тихорецкой и идёт на Батайск. И, наконец, совершенно определённо – немцы с севера продвигаются вдоль железной дороги к Таганрогу.

Вечером получили телеграмму «Всемир! Всемир! Всемир!» Больше-

⁵⁹⁹ Такие же просьбы поступили вскоре из деревни Антоновки и станицы Вознесенской.

вики сообщали, что от Ростова отрезаны. Немцы в 3-х километрах севернее Таганрога, и они покидают город, уходя на судах в открытое море. Непонятно было, кем отрезан советский гарнизон, немцами или Добровольческой армией. Тем не менее, Дроздовский распорядился немедленно выступить на Фёдоровку.

Появление Бригады сыграло роль катализатора. В удалённых от железной дороги станицах Приазовья Советская власть доживала последние дни. Казаки всюду организовывались, составляли сотни и полки и практически без боя разоружали отряды иногородних. Не успевшие либо не озаботившиеся уйти с войсками активисты арестовывались. Большую их часть в короткий срок расстреляли. Всё это, конечно, неизбежно порождало затаенное до поры недовольство неказачьего населения.

Ночью и утром 18 апреля (1 мая) из слободы Платовой поступали сообщения о движении двух значительных красногвардейских отрядов. Один, численностью в 600 штыков, шёл, якобы, от Андреево-Мелентьева вниз по правому берегу реки Миус. Второй, в 400 штыков с артиллерией, двигался на восток вдоль Миусского лимана. Дроздовский принял решение перехватить их на марше. К Миусу и к морю выдвигалась колонна в составе стрелковой роты, взводов конницы и лёгкой артиллерии и вспомогательной сотни присоединившихся к Бригаде казаков. Основные силы продолжали движение на Фёдоровку, в которой стали на ночлег⁶⁰⁰.

В деревне, считавшейся оплотом большевизма в округе⁶⁰¹,

⁶⁰⁰ Колонну на три часа задержал броневедомитель №3, проломивший мосток и провалившийся задом в неширокую протоку. Пехота вынуждена была идти в обход. Броневики вытащили, подведя под днище надстройку из брёвен и используя домкрат. Перехватить красногвардейцев не удалось. По-видимому, часть их рассеялась, а остальные дали немцам большой бой под Таганрогом.

⁶⁰¹ В селе был образован Совет. В одной из его резолюции говорилось: «Фёдоровский волостной Совет крестьянских депутатов под председательством (так в тексте) тов. Михаила Горланова принял единогласно при одном воздержавшемся резолюцию, в которой приветствуется Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых, вынесенная на Третьем Всероссийском съезде крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Организованный на месте Совет обязуется принять все меры и власть, чтобы Декларация приводилась в исполнение немедленно, а с тормозящими работе поступать, как с контрреволюционерами.

реквизировали без оплаты всех годных лошадей. Задерживали как красногвардейцев, так и всех иногородних, захваченных с оружием в руках. Трех, определённых комитетчиками, повесили.

Утром 19 апреля (2 мая) выступили на Николаевку, в которой и заночевали. На привале в бронев автомобиле №3 по неизвестной причине разорвалась одна из ручных гранат. Взрывом вырвало и отбросило далеко в сторону заднюю дверцу, сорвало с кронштейна пулемёт, расщепило пол. Пулемётные ленты воспламенились, часть патронов в них полопалась. Однако водитель, находившийся в кабине броневика, каким-то чудом не получил даже контузии. Самой машине был дан в полевых условиях ремонт, её боеспособность восстановили.

Вечером в занятый немцами Таганрог был направлен для переговоров подполковник Лесли. Также ему надлежало договориться с местными властями о вербовке в городе добровольцев и возможности получения военного имущества.

В 8 часов 20 апреля (3 мая) Бригада под командой Войналовича двинулась на Синявскую, а сам Дроздовский в сопровождении Лесли направился в Таганрог. Подполковнику удалось добиться многого. Добровольцы получали со складов 150 седел, автомобиль, немалое количество бензина и даже два аэроплана в собранном для транспортировки виде. Вооружение немцы выдать отказались категорически. Но поспособствовал «Союз офицеров». Через его представителей удалось незаметно от немцев вывезти несколько десятков винтовок и пулемёты.

Они же помогли организовать частное собрание офицеров. На предложение Дроздовского присоединиться к отряду откликнулось не более 50 человек⁶⁰².

Уравнивать всех граждан в праве пользования землёю и живым и мёртвым инвентарём, дабы право на землю имел только тот, кто своим трудом будет эту землю обрабатывать».

⁶⁰² «...те же мотивы, – записал Дроздовский в дневнике. – Неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижёры – кадровые: никто, как свой. Инертность поразительная». Не исключено, причины не присоединяться к Бригаде изыскивали те же самые люди, которые отказались в своё время встать в ряды Добровольческой армии.

Тем временем Бригада вышла к железнодорожной ветке Таганрог – Матвеев Курган. Голова колонны и основные силы пересекли полотно и продолжали движение. К переезду подходил арьергард под командой Жебрака. О дальнейшем рассказывает Деникин: «...когда колонна пересекала железную дорогу севернее Таганрога, часть обоза и арьергард были отрезаны подошедшим из Таганрога паровозом, ставшим поперёк переезда. Германский майор Гудерман заявил, что не пропустит колонну до тех пор, пока не получит разрешения из Таганрога от корпусного штаба. По-видимому, он выжидал прибытия эшелона. Начальник арьергарда, полковник Жебрак развернул роту с пулеметами вдоль полотна. Но насильственные меры могли быть чреваты опасными последствиями. Жебрак вступил, поэтому в переговоры с майором, посоветовал для ускорения ответа послать его адъютанта на паровозе в Таганрог. Как только паровоз скрылся с глаз, и путь стал свободен, повозки рысью двинулись через переезд.

– Вы поступили не по-джентельменски, – сказал раздражённо Гудерман.

– Кому-кому судить об этом, – ответил Жебрак, – но только не вам, майор. У нас с вами мир еще не заключен. Кто нам мешает, тот нам враг...»

Была ли эта последняя попытка остановить Бригаду частной инициативой командира среднего звена, или сказался фактор достигнутых с большевиками договорённостей⁶⁰³, не-

⁶⁰³ 18 апреля (1 мая) части 1-й армии, отходившие от Иловайской, с подошедшим Таганрогским отрядом Красной гвардии стали на линии Николаевка – Кошкино – Самбецкая и вели бой с 20-й Баварской дивизией немцев. Сформированный в Таганроге полк под командованием Каски (2200-3000 штыков) был полностью уничтожен. Остальные отошли к ст. Морской и далее на Ростов.

На следующий день в занятый немцами Таганрог прибыли делегаты Донской Советской республики Г.К. Орджоникидзе и В.С. Ковалёв. Там им, помимо прочего, было заявлено, что германские войска займут также и Ростов, «как важный стратегически пункт».

По возвращении делегации на состоявшемся в 19 часов 19 апреля (2 мая) совместном заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростовского Совета было принято решение о создании эвакуационной комиссии. По словам Орджоникидзе, немцы готовы были приостановить военные действия на двое суток (до получения директив вышестоящего командования) и просили

известно. Так или иначе, «дроздовцы» пересекли полотно и к вечеру были уже в Синявской⁶⁰⁴.

21 апреля (4 мая) Бригада проследовала вдоль железнодорожных путей через Недвиговскую и во второй половине дня вышла на подступы к Ростову.

7.4. Ростов

Можно искать и находить веские причины, определившие решение Дроздовского занять город. Можно сослаться на безусловную недооценку им сил большевиков, которые до Ростова отступали перед Бригадой раз за разом. Главное, думается, заключается всё же в другом. У Дроздовского просто не было иного выхода. Займи Ростов немцы, обойти город и форсировать Дон добровольцам было бы практически невозможно. Более того, пожелай германские военные власти разоружить прижатую к морю Бригаду, осуществить это не составило особого труда. Не пришлось бы даже вступать в бой. Достаточно было окружить добровольцев, оседлав пути отхода к северу, и подождать пару дней, пока у них не закончилось бы продовольствие.

Так или иначе, но Дроздовский принял решение – атаковать. Пока главные силы шли от Недвиговской, вперёд была выслана команда разведчиков-мотоциклистов. По возвращении юнкер

пропустить их в Ростов, гарантируя «неприкосновенность Советской власти и Красной гвардии».

Янчевский высказывается куда категоричнее. «Донской Совнарком (тов. Орджоникидзе и Ковалёв) тогда же вошёл с немцами в переговоры, – пишет он, – но немцы потребовали, чтобы Ростов был очищен 6 мая».

Не исключено, немцам дали понять, что Ростов будет оставлен без боя. И в этих условиях командир германской дивизии в Таганроге мог посчитать, что пропуск к городу враждебной большевикам крупной воинской части явится нарушением достигнутых гласных, либо негласных договорённостей.

⁶⁰⁴ Всё, что мы знаем о походе «дроздовцев», от формирования отряда до продвижения его в район восточнее Таганрога, известно, в основном, из дневника Дроздовского. С 21 апреля (4 мая) записи в дневнике обрываются. Возможно, Дроздовский, ввиду загруженности и череды последующих тяжёлых боёв прекратил вести дневник. Не исключена и утрата заключительной его части.

Информация о дальнейшем боевом пути Бригады основана на систематизированных В. Кравченко воспоминаниях его участников.